

Федосеева А. В.

**БАЗОВЫЙ СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ
МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/93.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. II. С. 221-223. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Мы видим, что сербский язык, уникальный в связи с сохранением старой системы временных форм глагола, испытывает сейчас, по всей видимости, влияние процесса унификации, постепенно утрачивая простые формы прошедшего времени, которые на протяжении уже длительного времени теряют функциональную и семантическую нагрузку. Путем сравнения бытования сходной с сербской системы прошедших времен древнерусского языка мы выявили общую для русского и сербского языков схему упрощения временной системы и показали идентичность этапов унификации в обоих языках. При большом хронологическом разрыве механизм утраты и тенденция к унификации глагольных форм прошедшего времени в древнерусском и современном сербском языках абсолютно аналогичны, однако изучение и попытки систематизирования данного «общеславянского» процесса, интерпретация нуждающихся в разрешении возникших в связи с этим вопросов составляет предмет нашего дальнейшего рассмотрения. Хочется заметить также, что сербский язык можно считать великолепным лингвистическим материалом также и для изучения истории русского языка, ведь на его примере можно своими глазами увидеть действующий процесс, происходивший в русском языке еще в 15-17 вв.

Список использованной литературы

1. Балалыкина Э.А. Современный русский язык. Морфология. Часть 2: Глагол. Служебные части речи. Междометия. Модальные слова / Э.А. Балалыкина. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2006.
2. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка / К.В. Горшкова, Г.А. Хабургаев. – М.: ВШ, 1981.
3. Гудков В.П. Сербохорватский язык: грамматический очерк, литературные тексты с комментариями и словарём / В.П. Гудков. – М.: Изд-во московского университета, 1969.
4. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка / В.В. Иванов. – М.: «Просвещение», 1983.

БАЗОВЫЙ СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Федосеева А. В.

Международный институт экономики и права, филиал в г. Астрахань

Как категория высказывания (речевой единицы), модальность реализует своё значение лишь в коммуникативном акте, в непосредственной соотнесённости с ситуацией общения. Обширный материал для исследования модальности с точки зрения лингвопрагматики даёт анализ высказываний с имплицитной семантикой, под которой мы понимаем смысловое наполнение, предназначенное для восприятия, но выраженное неявно, при помощи различных средств, в частности, определённых синтаксических конструкций, называемых нами **базовым структурным компонентом** (БСК). При этом следует отметить, что БСК высказывания в нашем понимании представляет минимальное сочетание синтаксических форм, образующих высказывание с определённым типовым значением.

Высказывания с имплицитным содержательным компонентом классифицируются нами в соответствии с тем БСК, который входит в состав высказывания. Для иллюстрации изложенных выше положений проанализируем высказывания, содержащие БСК **что + инфинитив**, **зачем + инфинитив**.

Высказывания, содержащие БСК **что + инфинитив**

Значение индифферентной субъективной модальности (другими словами, значение БСК) в подобных высказываниях: «нежелательность осуществления названного действия, отсутствие необходимости в осуществлении названного действия». Оно является общим для всех высказываний, включающих БСК **что + инфинитив**. Данное значение формируется при помощи порядка слов:

Ольга затруднялась только тем, как она встретится с ним, как пройдёт это событие: молчанием ли, как будто ничего не было или надо сказать ему что-нибудь?

– *А что сказать? Сделать суровую мину, посмотреть на него гордо или даже вовсе не посмотреть, а надменно и сухо заметить, что она «никак не ожидала от него такого поступка: за кого он её считает, что позволил себе такую дерзость?..»* Так Сонечка в мазурке отвечала какому-то корнету, хотя сама из всех сил хлопотала, чтоб вскружить ему голову. (И.А. Гончаров. Обломов)

Значение имплицитной субъективной модальности (частное значение субъективной модальности, проявляющееся в конкретном высказывании): «недоумение, растерянность, затруднение». Оно выражено посредством интонации, а также с помощью союза *а*, служащего для усиления убедительности.

Данный БСК может быть осложнен личным местоимением, придающим высказыванию более конкретный смысл:

Обломов остановился и посмотрел, действует ли на Захара это изображение неудобств женитьбы.

– *Идти, что ли, мне?* – спросил Захар, оборачиваясь к двери.

– *Нет, ты постой! Ты мастер распускать фальшивые слухи, так узнай, почему они фальшивые.*

– *Что мне узнавать?* – говорил Захар, осматривая стены комнаты. (И.А. Гончаров. Обломов)

Здесь значение имплицитной субъективной модальности: «упрямство, нежелание слушать собеседника; уверенность в своей правоте». Оно выражено при помощи интонации.

В следующем высказывании имплицитная модальность имеет значение «обыденность ситуации, равнодушие»:

Баба, подобрав юбки выше колен, нажимала всё быстрее, однако по такой грязи догнать нас было трудно.

– А ты что, с ней уговорился, что ли? – спросил я.

– Зачем уговорился? – ответил мужик. – Жена это мне. **Что** мне с ней зря **уговариваться?**

– Да что ты?! Жена? – удивился я. – Зачем же ты её взял-то? (М. Зощенко. Именинница)

Выражению значения имплицитной модальности способствуют интонация, наречие **зря** и личные местоимения.

Как видно из приведённых примеров, в высказываниях, содержащих БСК **что + инфинитив**, субъективная модальность может быть выражена с помощью порядка слов (индифферентная), а также интонации, частицы *же*, наречий *ещё* (вносит дополнительный смысловой оттенок: «продолжение, повторение действия»), *теперь*, местоимённых наречий *тогда*, *здесь*, обращений, союза *а* и других средств (имплицитная субъективная модальность).

Высказывания, содержащие БСК *зачем + инфинитив*

Индифферентная субъективная модальность имеет следующее значение: «ненужность выполнения названного действия»,

Бродя всё вблизи того места, где меня кинул мой дикарь, я не раз подходил и к тому дереву, на котором он мне указывал приметную ветку: прилежно я её рассматривал и всё ещё более убеждался, что это просто ветка, заброшенная сюда ветром с другого дерева.

– Обманул, – говорил я себе, – обманул он меня, да и не поставится это ему в грех: **зачем** ему **было пропадать** вместе со мною, без всякой для меня пользы? (Н.С. Лесков. На краю света)

Субъективная имплицитная модальность, на наш взгляд, выражает значение: «потерянность; безнадежность ситуации». Формированию значения индифферентной субъективной модальности способствует порядок слов, значение имплицитной субъективной модальности выражается с помощью интонации и личного местоимения *ему*.

В нижеследующем высказывании значением объективной модальности, выраженной формой изъявительного наклонения, также является реальность:

Зинаида протянула руку, сорвала какую-то травку, укусила её и бросила прочь, подальше.

– Вы меня очень любите? – спросила она наконец. – Да?

Я ничего не отвечал – да и **зачем** мне **было отвечать?** (И.С. Тургенев. Первая любовь)

Имплицитная субъективная модальность имеет такое значение: «очевидность ответа на заданный вопрос; глубокие душевные переживания». Средствами выражения значения имплицитной субъективной модальности являются интонация, личное местоимение *мне*, а также союз *да и*, придающий высказыванию характер дополнения, прибавления к сказанному ранее.

Значение имплицитной субъективной модальности может быть выражено и с помощью других средств: союза *и*, связывающего сообщение с предшествующей ситуацией, а также личного местоимения *мне*:

Он взял меня под руку, и мы отошли к окну.

– Я слышу здесь за острьяка, – сказал он мне в течение разговора, – вы этому не верьте. Я просто озлобленный человек и ругаюсь вслух: оттого я так и развязен. **И зачем** мне **церемониться** в самом деле? Я ничьё мнение в грош не ставлю и ничего не добиваюсь; я зол – что ж такое? Злому человеку по крайней мере ума не нужно. (И.С. Тургенев. Записки охотника)

Значение имплицитной субъективной модальности: «бестактность, невежливость, беспардонность». Объективная модальность соотносима с формой изъявительного наклонения, её значением является реальность.

Помимо обозначенных элементов, БСК **зачем + инфинитив** может быть осложнён частицами *же*, *да*, способствующими более точной интерпретации высказывания.

Таким образом, базовый структурный компонент высказывания определяет основное значение субъективной модальности (значение индифферентной модальности), являющееся общим для всех высказываний, в состав которых входит тот или иной БСК. Значение имплицитной модальности реализуется в частном употребительном варианте БСК.

Список использованной литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 384 с.
2. Валимова, Г.В. О соотношении семантической и формальной структуры предложения // Семантическая структура предложения. / Отв. ред. Г.В. Валимова. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1978. – С. 20 – 29.
3. Гак, В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. / Отв. ред. С.К. Шаумян. – М.: Наука, 1973. – С. 349 – 372.
4. Золотова, Г.А., Онипенко, Н.К., Сидорова, М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998. – 528 с.
5. Кайгородова, И.Н. Проблемы синтаксической идиоматики (на материале русского языка. – Астрахань: Изд-во АГПУ, 1999. – 249 с.
6. Лисоченко, Л.В. Высказывания с имплицитной семантикой (логический, языковой и прагматический аспекты). – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. – 160 с.

7. **Немец, Г.П.** Семантико-синтаксические средства выражения модальности в русском языке. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. – 144 с.
8. **Падучева, Е.В.** О семантике синтаксиса (материалы к трансформационной грамматике русского языка). – М.: Наука, 1974. – 292 с.
9. **Почепцов, О.Г.** Основы прагматического описания предложения. – Киев: Вища школа, 1986. – 116 с.
10. **Степанов, Ю.С.** Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). – М.: Наука, 1981. – 360 с.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ВОЛЬНОСТИ И ИХ ФУНКЦИИ В ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Федосова О. В.

Волгоградский государственный педагогический университет

Поэтические вольности (лат. *licencia poetica*) как «преднамеренное или невольное отклонение стихотворной речи от языковых, синтаксических, метрических и других норм» [Квятковский 1966: 81] типично как для русской, так и для испанской поэзии. Литературная энциклопедия определяет поэтическую вольность как «право поэта в целях большей художественности “нарушать” как нормы общепринятого литературного языка, так и канонические формы развертывания сюжета» [Литературная энциклопедия. Т. 2. 1929: стб. 287- 288].

Чаще всего поэтические вольности используются на фонетическом уровне языка как средство «трансформации фразы или слова с целью сохранить ритм и рифму стиха» [Москвин 2006: 240] и реализуются в особых фонетических фигурах, т.н. метаплазмах – приемах «трансформации звукового (и, соответственно, графического) облика слова» [Москвин 2006: 162].

Традиционно все метаплазмы делятся на четыре группы: 1) фигуры добавления (или увеличения); 2) фигуры сокращения (или изъятия); 3) фигуры перестановки и 4) фигуры замещения. К метаплазмам добавления относятся протеза (исп. *prótesis*), эпентеза (исп. *epéntesis*) и парагога (исп. *paragoge*). **Протеза** (от греч. *pro* ‘вперед’, *thesis* ‘размещение’) заключается в трансформации звукового облика слова за счет прибавления лишних звуков к началу слова. Эта фигура широко используется в испанской классической поэзии:

Así para poder ser amatado
Garcilaso
 y a mi majada arribarás primero
 que el cielo nos amuestre su lucero
Garcilaso

Следует особо отметить, что не только поэты реализуют свое «право» отклонения от литературной нормы в целях большей художественности. Для разговорного стиля также характерно «преднамеренное или невольное» отклонение от языковых норм для достижения той экспрессивности, которая является одной из характерных особенностей разговорного стиля любого языка. Т.о., протеза как фонетическая фигура свойственна также и разговорному стилю испанского языка: *abajar* вместо ‘bajar’, *allegar* вместо ‘llegar’, *emprestar* вместо ‘prestar’, *amarrón* вместо ‘mañón’ и т.д.

Звуковой облик слова может трансформироваться и за счет прибавления звуков в середину слова. Такое преобразование слова называется **эпентеза** (от греч. *epi* ‘в добавление’, *thesis* ‘размещение’). Сервантес часто отступает таким образом от нормы для достижения необходимого благозвучия. Например:

Y si es mentira, también lo debe ser que no hubo Héctor ni Aquies ni la guerra de Troya ni los doce Pares de Francia ni el rey Artús de Ingalaterra (Cervantes)

Для разговорной речи испанского языка эпентеза также характерна: *vido* вместо ‘vio’, *corónica* вместо ‘crónica’.

В русской поэзии эпентеза также используется как фигура поэтической вольности:

Это все, что зовем мы родиной,
 Это все, отчего на ней
 Пьют и плачут в одно с непогодиной,
 Дожидаясь улыбчивых дней.
С. Есенин

Изменение фонетического облика слова за счет прибавления звуков в конец слова известно под названием **парагога** (от греч. *para* ‘сверх’, *goge* ‘внесение’). Этот метаплазм используется в испанском народном стихосложении еще в 11 в. Так, испанское Романсеро (народные песни о любви), Песни жесты (*cantares de gesta*), а также героический испанский эпос «Песнь о моем Сиде» (*Cantar de mio Cid*) отличало присоединение дополнительного гласного –е в конец строки в слова, где этот звук изначально отсутствует: ‘trinidad’ → *trinidadе*, ‘alaudar’ → *alaudare*, ‘más’ → *mase*, ‘son’ → *sone*, ‘alfoz’ → *alfoce*. В дальнейшем в испанские поэты часто используют парагогу и для стилизации старинных испанских песен, и как фигуру поэтической вольности для достижения желаемого благозвучия:

¡Ay misero de mí! ¡Y ay infelice!
Calderón
 Del rosál vengo, mi madre:
 Vengo del rosale